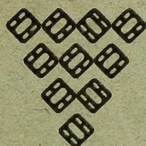
В. Р. ВАВРИКЪ.

ПѢСНИ. РУСЬ. ТРЕМБИТА.

ЦѢНА 6 Кч.

УЖГОРОДЪ,
Типографія Школьной Помощи
1921.

В. Р. ВАВРИКЪ.

ПѢСНИ. РУСЬ. ТРЕМБИТА.

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ
1921.

Предисловіе.

Въ дни печальнаго спора, какой языкъ должен быть господствующимъ въ Карпатской Руси, выпускаю въ свѣтъ маленькій томикъ „пѣсенъ“. Ни на одномъ языкѣ не слагается такъ легко пѣсня, какъ на русскомъ языкѣ — языкѣ Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Русскій языкъ — языкъ очень ботатъ, весьма милозвученъ и онъ единый можетъ и долженъ быть владычнымъ въ Карпатской Руси. Все чаще и громче проникаетъ его мощное слово въ глубь Карпатъ и отдаленныхъ селеній и недалеко время, когда онъ станетъ здѣсь гражданскимъ языкомъ.

АВТОРЪ.

Гор. Ужгородъ, 20 августа 1921 г.

ПѢСНИ.

ПРОЛОГЪ.

Я пѣсни пою, изучивъ
Всѣ методы, слоги и роды
Въ дремучемъ лѣсу, ихъ мотивъ
Въ глухихъ тайникахъ всей природы.

Мнѣ горы, потоки, луга
Заклятья свои повѣряли,
Мнѣ феи — русалки въ горахъ
Въ унылую ночь напѣвали.

Я бурямъ и вихрямъ внималъ
Разящаго громомъ раската
И тайно однажды я вникъ
Въ мощь пѣсни сѣдого Карпата.

РУСЬ.

Иду и жаворонка пѣнье
На каждомъ слышится шагу,
Отъ непонятнаго забвенья
Очнуться не могу.

Кругомъ цвѣтущими садами
Струится запаха струя,
Смотрю . . . безбрежными полями
Плѣняетъ Русь меня.

Восходитъ солнышко. Сіянье
Озолотило небосводъ,
Стою . . . Кругомъ очарованье,
Все дышитъ и поетъ.

КУРГАНЪ.

Гдѣ журчитъ Вигоръ, гдѣ Санъ
Вьется подъ горою,
Одинокій тамъ курганъ
Ужъ заросъ травою.

На курганѣ черный крестъ
Словно состраданье
И въ глухой степи окрестъ
Мертвое молчанье.

Ой, кровавая съ врагомъ
Тамъ была расправа,
Подъ землею, подъ крестомъ
Русская спитъ слава.

Раннимъ утромъ до зори
Дѣвушка сходила,
Гдѣ легли богатыри,
Розу посадила.

И идетъ за годомъ годъ,
Но и въ дни мороза
Неизмѣнно все цвѣтетъ
Эта чудо-роза.

Но прійдетъ еще весна,
Тамъ споютъ дѣвчата
И, ломая цѣпи сна,
Зашумятъ Карпаты.

ВОЛШЕБНОЕ ПѢНІЕ.

Волшебное пѣнье, меня охвативъ,
Въ саду раздавалось вишневымъ,
Далекій и мнѣ незнакомый мотивъ
Дышалъ духновеніемъ новымъ.

Въ немъ пахла даль вольныхъ, широкихъ полей,
Журчало потоковъ журчанье
И косы жужжали при блескѣ лучей
И птичекъ лилось щебетатье.

Въ немъ слышался топотъ игривыхъ коней,
Шуршаніе слышалось флага,
Призывный въ немъ слышался голосъ вождей
Величіе, доблесть, отвага.

РѢКА УЖЪ.

Грустенъ Ужъ. На немъ морщины
    Вѣковой недоли,
Брошенъ, Богомъ позабытый
    Плачетъ поневолѣ.
Плачетъ онъ, не унимаясь,
    Ибо съ дней Мстислава
Все невзгода, все неволя
    И горька расправа.

Жалокъ Ужъ. Веселымъ смѣхомъ
    Онъ не улыбнется,
Приглушенный, тихій ропотъ
    Въ его плескѣ льется.
Ратуя съ врагомъ жестокимъ
    Онъ стоналъ столѣтья
И стеня слагалъ украдкой
    Пѣсни лихолѣтья.

Мутенъ Ужъ. Вода багрѣетъ
    Отъ кровавыхъ пятенъ,
Гнетъ его страстей Карпату
    Одному понятенъ.
Онъ свободы ждалъ съ востока
    Безнадежно долго,
Его воплямъ не внимали
    Днѣпръ, Двина ни Волга.

ВЪ СТЕПИ.

По раздолью, по просторѣ
Вѣтеръ вѣетъ, тьма;
Каждый день одно и тоже,
Слякоть, кутерьма.

Ночь. Нахмурилась дремота,
Воины легли;
Я кочую постоянно,
Родина вдали.

Шесть лѣтъ боя — не кручина,
Милая прощай!
Въ бой иду я за Карпаты,
За родимый край.

* * *

Перестрѣлка! На опушкѣ
Вражья цѣпь лежитъ,
Равномѣрно, равнозвучно
Пулеметъ трещитъ.

Смолкло. Вѣтеръ дико воетъ,
Ночь покрылась тьмой,
Въ чистомъ полѣ одинокій
Ходитъ часовой.

Нѣтъ, не самъ онъ! Русь святая
Вмѣстѣ ходитъ съ нимъ
И молясь надъ нимъ летаетъ
Ангелъ-Херувимъ.

ПАХАРЬ.

Пашетъ землю мужичекъ,
Изъ его груди пѣснь рвется,
Жаворонка пѣснь надъ нимъ
Постоянно льется.

Тихій, теплый вѣтерокъ
Нѣжитъ сердце селянина,
Онъ Творцу молитвы шлетъ
И съ нимъ вся равнина.

И, ступая бороздой,
Говоритъ онъ: благо пашу,
Въ это время пьетъ богачъ
Золотую чашу.

Онъ считаетъ серебро
Въ озаренной блескомъ дачѣ
И пускай, но я въ степи
Всѣхъ сильнѣй, богаче!

Я кормлю моимъ зерномъ
Тѣхъ, которымъ плохо, сиро
И несу я въ замки хлѣбъ
Сильнымъ всего міра.

ВПЕРЕДЪ!

Станьте смирно въ рядъ и флаги
Высоко горой!
Выньте дружно сабли, шпаги,
Въ бой, кровавый бой!

Передъ грозными полками
Нечисть вся падетъ;
Офицеры, гордо знамя
Русское впередъ!

Что гранаты, что шрапнели? —
Мимолетный взрывъ!
Срамъ и злобу одолѣютъ
Доблесть и порывъ.

Брось лопату! Подъ землею
Только роетъ кротъ,
Съ приподнятой головою
Въ бой за Русь впередъ!

ПРИВѢТЪ КАРПАТАМЪ.

Долгіе вѣка, столѣтья
Громы бушевали,
Не дождемъ, а красной кровью
Горы поливали.

Въ морѣ этой русской крови
Родилась свобода
И съ Карпатъ, разбившись пала
Тяжкаа колода.

Вскорѣ будетъ за долами
Все чужое горе,
Здравствуйте мои родныя,
Дорогія горы!

Не надо!
Не надо, чтобъ села горѣли,
Добро пропадало селянъ,
Не надо, чтобъ пушки гремѣли
И русскіе гибли отъ ранъ.
Не надо, не надо!

Не надо, чтобъ кровь проливалась
По русскимъ полямъ и лугамъ,
На пиръ воронье чтобъ слеталось,
Поднявши и гоготъ и гамъ,
Не надо, не надо!

Намъ надо!
Намъ надо, чтобъ миръ воцарился
И матушка — Русь поднялась,
Чтобъ русскій народъ возродился
И громкая пѣснь полилась,
Намъ надо, намъ надо!

Намъ надо!
Намъ надо, чтобъ Русь во-едино
Своихъ всѣхъ дѣтей собрала
И русской широкой равниной
Свободная жизнь потекла,
Намъ надо, намъ надо!

ЗАБЫТАЯ МОГИЛА.

Надъ потокомъ подъ горой
Черная могила,
Тамъ лежитъ зарытъ герой,
Все кругомъ уныло.

Онъ погибъ за славу — честь,
Честь родного края,
На могилѣ черный крестъ,
Да и галокъ стая.

На крестѣ затерся годъ,
Имя мхомъ покрыто
И забылъ кругомъ народъ
Кѣмъ, за что убито...

ПѢСНЯ.

Чувствую въ моей груди
Сила мощная таится,
Непонятная во мнѣ
    Пѣсня шевелится.

Рвется въ даль и ширь она
Родины моей невольной,
То заплачетъ, то звучитъ,
    Какъ звонъ колокольный.

Эта пѣсня сердца боль,
Какъ святое зелье лѣчитъ
И смиренья и любви
    Лучъ на всю Русь мечетъ.

МОЛИТВА.

И точно тревогу въ лѣсахъ и лугахъ
Гамъ подняли птицы. Иду и веселье
Наполнило сердце мое. На свирели
Играетъ убогій мальчишка въ кустахъ.

Онъ славитъ природу. Она вся въ цвѣтахъ
Ему улыбается, слушая трели.
Качаются сосны, качаются ели
И солнышко блещетъ въ святыхъ небесахъ.

Не хочется снова вернуться домой,
Чтобъ сердце не ныло печалью-тоской,
Иду, все иду. Такъ пріятна дорога,

Кругомъ такъ волшебно. Красой молодой
Земля расцвѣла. Обновленной душой
И тихой молитвою славлю я Бога.

КРЕСТЪ.

При дорогѣ столбовой
  Крестъ стоитъ высокій;
Пусто, глухо все кругомъ
  По Руси широкой.

Здѣсь кипѣлъ кровавый бой,
  Бой не съ супостатомъ,
Встрѣтилися здѣсь, горя
  Злобою, братъ съ братомъ...

Въ черную ночь брату братъ
  Пробилъ пикой сердце
И похоронили ихъ
  Въ яму иновѣрцы.

Неизвѣстно, кто воздвигъ
  Черный крестъ высокій;
Пусто, глухо все кругомъ
  По Руси широкой.

КОСАРИ.

На широкомъ на лугу,
  Надъ рѣкой Свѣчою
Косятъ сѣно косари
  Утренней порою.

Блещутъ косы ихъ въ лучахъ
  Солнышка святого,
Рядъ одинъ еще пройти,
  Будетъ все готово.

Потъ струится градомъ съ лицъ,
  Весело имъ въ полѣ
И шагая все поютъ
  Пѣсню черной доли.

Блещутъ косы на росѣ,
  Солнышко смѣется,
По широкой по Руси
  Пѣсня раздается.

ПѢСНЯ.

От Волыни до Покутья
  Пѣснь одна поется,
Въ этой пѣсни заунывной
  Кровь рѣкою льется.

Въ этой пѣсни слышны стоны
  Гибнущихъ на плахѣ,
Въ ней всѣ ужасы, какими
  Русскихъ мучатъ ляхи.

Въ этой пѣсни тихо плачетъ
  Русь моя родная,
От Волыни до Покутья
  По ночамъ блуждая.

ОНА.

Чуть свѣтилася луна . . .
Въ ночь у зеркала стояла,
Косы длинныя чесала,
Жалкая она.

Выпалъ гребешокъ изъ рукъ,
На лицѣ слѣды лежали
Неразгаданной печали,
Мимолетный звукъ . . .

Глухо, всюду тишина . . .
И на зеркало устало
Опершися, зарыдала
Жалкая она.

ТИШИНА.

Спитъ моя краса. Въ свѣтлицѣ
    Не горитъ огонь.
Пригорюнившись у плота
    Задремалъ мой конь.

Тишина. Не слышенъ шопотъ,
    Листъ не шелеститъ,
Свѣтитъ мѣсяцъ бѣлолицый,
    Вся природа спитъ.

НА ПОКЛОНЪ.

Гривы въ вихрѣ разметая
  Мчится смѣлый конь
И душа моя въ порывѣ
  Чувствуетъ огонь.

Веселъ я въ живой природѣ,
  Словно Аполлонъ
Кудри распустивъ по вѣтру,
  Ѣду на поклонъ.

Ѣду на поклонъ къ красоткѣ,
  Проскочивъ потокъ,
Пролетѣлъ я степь глухую,
  Вотъ ея садокъ.

Вотъ она сидитъ въ оконцѣ,
  Какъ небесъ зоря;
Посмотри, моя родная,
  На богатыря!

Я везу тебѣ гостинцы
  Съ горъ крутыхъ Карпатъ,
Гдѣ въ бою съ врагомъ нежданно
  Мнѣ попался кладъ.

Мнѣ попался кладъ богатый:
  Вражьихъ семь головъ
Мною взмахомъ шашки снятыхъ. —
  Встрѣчу мнѣ готовь!

БОГАТЫРЬ.

Я казной небогатъ,
Не люблю серебра,
Мнѣ не надо земли,
Ни богатства-добра.

Я люблю солнца свѣтъ,
Я люблю поля ширь;
Съ вѣрной шашкой моей
Я въ степи богатырь.

НА ЧУЖБИНѢ.

Сегодня, когда я шелъ ночью домой,
  Такъ радужно звѣзды сіяли,
Такъ тихо и сладко зефиры съ листвой,
  Забывшись, о чемъ-то шептали.

Привѣтъ ли отчизны съ далекихъ луговъ
  Вникалъ въ мое чуткое сердце,
Иль то озвалась мимолетно любовь,
  Иль стукнула милая въ дверцы,

Иль слышалъ я стоны родимыхъ Карпатъ
  Унынья и тяжкой неволи —
Не знаю, но я-бы заплакать былъ радъ
  Отъ муки и гнѣва и боли.

На тополь оперся я, духъ затаивъ
  И весь потонувши въ вниманье,
Но все неразгаданъ былъ пѣсни мотивъ,
  Кругомъ и печаль и страданье.

ЛИРНИКЪ.

Лирникъ на базарѣ сидѣлъ,
Слѣпой, онъ смотрѣлъ въ степь глухую,
Печально-уныло онъ пѣлъ
И пѣснь и молитву святую:

Не долго живетъ человѣкъ,
Подъ нимъ всюду рвы и могилы,
Кто мимо проходитъ калѣкъ,
Тотъ Господу Богу не милый.

Погляньте кругомъ и вокругъ,
По цѣлой Руси кровь струится,
Гдѣ-жъ тотъ, кто безъ ногъ и безъ рукъ
Въ пустынѣ пустой пріютится?

Сижу не одинъ, слезы лью . . .
Повсюду рыдаютъ калѣки,
Очнитесь, тираны, молю,
Пусть проклята бойня во вѣки!

ПРУДЪ.

Какъ зеркало прудъ блещетъ,
Внизъ тополи висятъ,
Волна стоитъ, не плещетъ
И солнышка закатъ
Въ водѣ чуть-чуть трепещетъ.

Глянь! съ черными очами
Красавица идетъ,
Черпнувъ воды ведрами,
Стоитъ и пѣснь поетъ,
Укрывшись за кустами.

И пѣсенкѣ внимая,
Зашевелился прудъ,
Въ роскошномъ солнцѣ мая
Погнулся, изумрудъ
Въ волнахъ переливая.

СОЛОВЕЙ.

Чего ты сегодня поешь, соловей,
Такія унылыя пѣсни,
Чего не промолвишь мнѣ пѣсней твоей:
Довольно печали, воскресни?

Чего налетѣла думъ черныхъ волна
И сердце тревожитъ больное,
Всю ночь я не знаю покоя ни сна,
Стоитъ предъ мной все родное:

Умолкъ, не отвѣтивъ, въ кустахъ соловей
И буря злосливо завыла,
Мнѣ брызнули слезы рѣкою съ очей,
Въ душѣ такъ печально, уныло.

РУСЬ.

ПРОЛОГЪ.

Я жажду, чтобъ пѣсни мои
Всѣхъ русскихъ сердца всколыхнули,
Чтобъ русскіе всѣ на мои
Карпаты родные взглянули.

Слагаю я пѣсни — стихи
Изъ слезъ и великихъ мученій,
Что горы родныя мои
Въ неволѣ, крови и забвеньи.

Боюсь я, что струны мои
На арфѣ унылой порвутся,
Что пользы, когда отъ Руси
Карпаты мои оторвутся?

Коль время, спѣшите помочь
Забытому, меньшему брату
И дайте свободно вздохнуть
На волѣ сѣдому Карпату.

У МИЛОЙ.

Здравствуйте! Вновь прихожу
Невредимый и здоровый
И привѣтъ вамъ приношу
Съ новымъ словомъ, вѣстью новой.

Какъ сказалъ я: пышный май —
День свободы, возрожденья
И прiѣду я въ вашъ край
Съ сильнымъ духомъ обновленья.

Здравствуй, Клава — нѣжный другъ,
И сотри веселья слезы,
Для тебя волшебный югъ
Мной подноситъ чудо-розы.

Падь въ объятiя мои,
Лебединка дорогая! —
Возвращается въ свои
Хижины мать-Русь святая.

Мелитополь, 29 мая 1921 г.

ПЕРЕДЪ БОЕМЪ.

1.

Нечего теряться,
Силы всѣ собрать,
Силой всей ударить,
Чтобы отстоять
Русскія святыни!
Побѣдить иль намъ
Всѣмъ погибнуть нынѣ,
Соколы — дружины,
По своимъ мѣстамъ!

2.

Господу помолимся,
Съ знаменами въ бой
Двинемъ за Русь-матушку
Нашъ сплоченный строй.
Выходите, дѣвушки,
На широкій путь,
Засыпайте розами
Добровольцевъ грудь!

3.

Къ лѣсу полкъ подходитъ
Тишина въ лѣсу,
Лишь куетъ кукушка
На сосны верху.
Отдохнуть солдаты
На траву легли,
Тихо ели пѣли
Пѣсенки свои.

4.

Господу помолимся
Здѣсь послѣдній разъ,
Никому невѣдомо,
Кто въ живыхъ изъ насъ,
Кто изъ насъ останется,
Богъ одинъ лишь вѣсть...
Братья, время близится,
Умереть за Родину —
Честь, большая честь!

Мелитополь, 29 мая 1920 г.

ПОСЛѢ БОЯ.

Въ борьбѣ неравной, продолжительной,
Въ душѣ прекрасное храня,
Я потъ съ чела стиралъ томительный,
Придерживая чуть коня.

Исходъ кровавыхъ схватокъ горькими
Всегда слезами я кончалъ,
Всю ночь, засыпаную зорьками,
Пустынной степью и пригорками
Одинъ съ тоскою я блуждалъ.

О, дай Господь, чтобы надъ трупами
Хорошій выросъ русскій плодъ
И въ единеніи, не группами,
Мы русскій повели народъ
Впередъ, впередъ...

с. Кизіярка, 30 мая 1920 г.

ЧАРЫ.

Встало солнце, изъ небесъ
    Бросило рубины
На янтарныя поля
    Русской Украины.

На пригоркѣ подъ селомъ
    Собрались дѣвчата,
Въ косахъ свѣжій розмаринъ,
    Все на нихъ богато:
Шелкотканные платки
    Ленты и дукаты.

Хоръ меня очаровалъ.
    Безъ ума по полю
Я всю ночь потомъ бродилъ
    И съ тоской и болью.

с. Константиновка, 2 іюня 1920 г.

НОЧЛЕГЪ.

Надо мною звѣзды
Свѣтъ, трепеща, льютъ;
Не переставая
Пташечки поютъ.

Степью пробѣгаетъ
Вѣтерочка зыбь;
Спятъ въ травѣ солдаты,
Богатырскій храпъ!

Каждому винтовка
Спитъ у головы;
Фыркаютъ лошадки
Не жуя травы.

Отдохнувъ солдаты
Тѣломъ и душой,
Завтра предъ разсвѣтомъ
Пойдутъ снова въ бой.

кол. Тигервейде, 5 іюня 1920.

ВЪ БОЙ.

На крыльяхъ вѣтра мчусь я въ полѣ;
За родину свою въ бою
Кровь молодую я пролью —
Гуляй, мой конь, на все раздолье!

Когда паду, не рой копытомъ,
Ретивый конь, могилы мнѣ;
Лети, лети, къ родной странѣ
Скажи: за Русь въ степи убитъ тамъ.

с. Корниловское, 6 іюня 1920 г.

КУРГАНЪ.

Тащенакъ заросъ травою,
Тихо онъ плыветъ;
Степь роскошною весною
За рѣкой цвѣтетъ.

Хуторочекъ надъ рѣкою
Полонъ дикихъ розъ,
И бурьяномъ и травою
Онъ кругомъ заросъ.

Нынѣ утромъ, надъ потокомъ
Рота галичанъ,
Вся въ молчанiи глубокомъ
Сыпала курганъ.

Онъ засыпанъ павиликой,
Васильками, льномъ
И пахучей розой дикой,
Черный крестъ на немъ.

Некрасивый, небогатый
Крестъ стихомъ изрытъ;
И за Русь и за Карпаты
Здѣсь герой убитъ.

Не журчитъ своей волною
Мутный Тащенакъ;
Слава павшему герою
За единый стягъ!

Пѣсенкой степь огласилась:
„Съ поля палъ туманъ"
За курганомъ гдѣ-то скрылась
Рота галичанъ.

Тащенакъ, 1 iюля 1920 г.

ПЕЙЗАЖЪ.

За крутой горою
Крутизна и скатъ,
Вербы надъ рѣкою
Кудрями висятъ.

Сквозь густыя ели
Солнце свѣтъ свой льетъ,
Въ гущѣ на свирели
Пастушокъ поетъ.

С. Лѣсное, 8 іюля 1920.

КЪ РУССКИМЪ ДЕРЕВНЯМЪ.

Русскія деревни пильныя и грязныя,
Долго ль вы еще останетесь подъ пеленой
Мрака и тумана? Долго ль слухи разные
Будутъ васъ питать? Когда порокъ чужой
Отъ себя прогоните? Когда
Громко крикните: довольно?
Васъ исторія сюда
Жить прислала мирно, вольно.
Всюду ваша кровь, вашъ трудъ;
Съ пѣніемъ косы потъ лился
И въ слезахъ, какъ изумрудъ
Русскій старый край родился.
Русскій край не для пройдохъ,
Русскій долженъ имъ гордиться
И надъ Русью русскій Богъ
Долженъ снова обновиться!
Просыпайся русскій людъ,
Въ руки плуги и лопаты!
Начинай культурный трудъ
И строй собственныя хаты!

с. Болградъ, 8. IX. 920.

ТОПОЛИ.

Тучки дождевыя
Надъ землей висятъ,
Тополи качаясь
Жалобно шумятъ.

Путь еще имъ виденъ,
По которой рать
Съ флагами, крестами
Русь пошла спасать.

Съ утренней зарею
Двинулись полки,
Еле-еле видно:
Вдоль пошли рѣки.

Глядя вслѣдъ за ними
Тополи шумятъ:
Благослови, Боже,
Скорый ихъ возвратъ.

Мелитополь, 9. IX. 920.

ВЕЧЕРЪ КОРНИЛОВА.

Шумитъ народъ, рыдаютъ струны:
Корнилова великій день! . . .

Сижу въ углу, сижу, грущу я
И слезы въ сердцѣ и въ очахъ . . .

Мнѣ больно, жалко, что самъ русскій
Повергъ въ болото русскій храмъ . . .

По всей Руси вершатся нынѣ
Позоръ неслыханный и стыдъ . . .

О, встань великій вождь! спасенье
Неси карающимъ мечомъ!

г. Симферополь, 10. IX. 920 г.

ЗАЛОГЪ ДОБРА.

Другихъ я словъ не нахожу:
Теперь не то, что прежде было,
Залогъ добра Руси въ трудѣ,
Въ развратѣ-же ея могила!

Какъ выйдемъ въ поле всѣ съ косами
И потъ польется намъ съ чела,
Лѣса, поляны, горы, камни
Провозгласятъ намъ: честь-хвала!

Севастополь, 12. XI. 920.

ГРУСТЬ.

Чего мнѣ тѣшиться, смѣяться,
  Чего веселымъ быть?
Родная Русь моя — руина
  И горько русскимъ жить.

Нѣтъ радости, такъ грустно въ сердцѣ,
  Что долженъ ямы рыть
Родной братъ брату... не могу я
  Веселымъ вовсе быть.

Севастополь, 16. IX. 1920.

НЕ ПОЙМЕТЕ...

Не хочу вамъ открыть,
Что въ душѣ наболѣлой лежитъ,
Вы меня не поймете, вы люди безъ сердца.
Вы смѣетесь надъ всѣмъ
И не слышите вы, что залитъ
Мой край кровью и Русь подъ пятой иновѣрца.

Севастополь, 17. IX. 1920.

ОТЪѢЗДЪ СЪ РУСИ.

О, трижды бѣдный, русскій край,
О, бѣдная моя Россія,
Я не скажу: прости, прощай.
Какъ тѣло ножъ, слова такія
Меня мучительно разятъ.
Я твердо вѣрю въ дни иные,
Я вѣрю въ правду и возвратъ
Съ чужихъ сторонъ въ мѣста родныя.
О, Русь моя, святая Русь,
Когда на праотцовъ я землю
Вступлю, какъ мать дитя объемлю
И со слезами помолюсь.

Черное море, 4. XI. 1920.

ЦАРЬГОРОДЪ.

Царьгородъ! о сколько думъ
Въ этомъ чудномъ звукѣ,
Ты — мечта завѣтныхъ сновъ,
Русскимъ свѣтъ науки.

Ты — тоска благихъ славянъ,
Русскихъ — храмъ величья,
Ты — ступень, за коей блескъ
Божьяго обличья.

Патріаршій, старый видъ,
Храмъ святой Софіи,
Черезъ море бросивъ блескъ,
Блещетъ надъ Россіей.

Красота природы здѣсь
Въ хоръ слилась могучій,
Здѣсь преданья старины
Рѣютъ сплошной тучей.

Плещетъ море. На Босфоръ
Вѣютъ неба чары;
Мчится лодокъ длинный рядъ,
Не добро въ Скутари!

Какъ смирился старый царь
Предъ щитомъ Олега,
Такъ боялся царь-султанъ
Козаковъ набѣга.

Геллеспонту съ этихъ поръ
Все грозитъ тревога;
Велика для всѣхъ державъ
Мощь Златого Рога!

Царьгородъ, 6. XI. 920.

БЕЗЪ РОДИНЫ.

Опустѣло поле брани,
  На водѣ вся рать.
Мчатся волны, мчатся судна,
  Гдѣ имъ отдыхать —
На водѣ пустынной трудно,
  Трудно угадать.

Мраморное море, 8. XI. 920.

НА ВОЛНАХЪ.

Несутъ меня волны въ чужую страну
И Русь позади остается;
Стою молчаливо, смотрю и грущу
И сердце болѣзненно бьется.

Постигли мы нынѣ, что на-долго Русь
Мѣняемъ на горе чужое,
Что горькія слезы придется намъ лить,
За то, что презрѣли родное.

Мраморное море, 9. XI. 920.

СКИТАНЬЕ.

Тучи на небѣ и Море реветъ,
Бурю вѣщая большую;
Медленно судно по морю плыветъ.
Грустно. Сижу и тоскую.

Больно, досадно. Отчизна вдали;
Снова иду на скитанье.
Жалко, такъ жалко родимой земли.
Глухо и черно въ туманѣ.

Адріатическое море, 12. XI. 920.

МОЛИТВА.

Молюсь и въ день и въ ночь молюсь
За Русь
Убитыхъ,
Распятыхъ.
Ихъ имена на плитахъ
Роскошныхъ и богатыхъ
Не писаны.

Въ сырой тюрьмѣ, острогѣ,
Въ степи, по дорогѣ
Истерзаны,
Замучены
Они.

Жертвы, русскаго народа,
Васъ не посчитать!

Банья-Лука, 30 декабря 1920 г.

ТРЕМБИТА.

ПРОЛОГЪ.

Судьбина моя тяжела,
Живу я одинъ сиротою;
Родимая мать умерла,
Отецъ мой замученъ тюрьмою
Сырою.

Печально . . . весь свѣтъ мнѣ не милъ,
На сердцѣ нѣмое унынье;
Я полную чашу испилъ
Отравы изъ горькой полыни
Въ пустынѣ.

Прошли дни блаженной любви,
Замолкли влюбленныя трели,
Что ночью въ горахъ соловьи
Съ трембитами въ зелени ели
Мнѣ пѣли.

И та, что клялась въ вѣкъ любить,
Любила такъ мало, такъ кратко,
Чтобъ сердце мое все разбить,
Явится во снѣ лишь украдной
Загадкой.

КАРПАТЫ.

Кровавой зарницей объятые своды
Повисли печально надъ боромъ Карпатъ.
Затишье; ни звука, ни пѣсни свободы;
Кровавой зарницей объятые своды
Печально висятъ. . .

Что было, прошло.
Родныя Карпаты
Замучили каты,
Сгорѣло село.

Сгорѣло село...
Поникнувъ въ кручину
Народъ, какъ стебло,
Поплелся въ чужбину.

Узналъ я потомъ:
Въ нѣмецкомъ сараѣ
Въ вонючемъ, сыромъ
Погибла родная.

Погибли родныя
И мать и сестра
Вдали Коломыи,
Родного Днѣстра.

* * *

На горе и зло
Воздвиглись Карпаты;
Въ родное село
Опять пришли каты.

Ушли лишь австрiйцы,
Надѣвъ контуши,
Пришли кровопiйцы
И точатъ ножи.

Пришедшаго брата
Съ нѣмецкихъ сторонъ
Зарѣзали каты
Каленымъ ножомъ.

Увидѣвъ кровь брата
Смутился Карпатъ,
Съ тѣхъ поръ предъ закатомъ
Онъ кровью объятъ.

КАРПАТЫ.

Коломыя. На родныя
  Полонины горъ
Ароматный, благодатный
  Запахъ дунулъ боръ,
Боръ дремучій, боръ могучій
  Ненаглядныхъ горъ.

Изъ вершины на долины
  Мчится быстрый Прутъ,
У ракиты на трембиты
  Пастушки поютъ
И прелестнѣй этой пѣсни
  Не припомнитъ Прутъ.

На прогулки съ селъ гуцулки
  Роемъ все спѣшатъ,
На Карпаты лучъ богатый
  Разбросалъ закатъ.
Чудо — горы, боръ, Прутъ, зори
  И краса дѣвчатъ.

НА ПОЛЯНѢ.

Лежалъ я на полянѣ
Подъ розовымъ кустомъ,
Вокругъ очарованье,
Весна-красна кругомъ.

Мнѣ чудились напѣвы,
Чаруя красотой,
Прелестнѣйшія дѣвы
Являлись предо мной.

Всѣ пѣли мнѣ, что много
Я вынесъ горя, слезъ,
Рожденъ въ семьѣ убогой,
Въ чужой неволѣ росъ.

Что пламенной я силой
Прославился въ бою
И смертью и могилой
Я жизнь калилъ свою.

Что благородной шпагой
Разилъ враговъ моихъ,
Что рвеніемъ, отвагой
Я многаго достигъ.

Любя Русь и Карпаты,
Я шелъ на бой въ упоръ . . . .
Такъ пѣли мнѣ дѣвчата
И я пою съ тѣхъ поръ.

НА ПОЛОНИНѢ.

Вышелъ я на полонину,
Боръ кругомъ шумѣлъ
И, его охваченъ пѣсней,
Тоже я запѣлъ.

Какъ-то чудно пѣсня пѣлась;
Внизъ по крутизнамъ
Звуки легкіе лилися
И свободно озвалися
По крутымъ верхамъ.

Гей, Карпаты удалые —
Слава старины!
Вы мои зовете пѣсни
Съ сердца глубины.

ГРУСТЬ КАРПАТЪ.

Тьма въ Карпатахъ. Дремлетъ боръ,
Плещетъ Ужъ уныло;
Грустенъ ходитъ Святогоръ,
Все ему постыло.

Всю честную старину
Новизна смѣнила
И не вьется въ вышину
Дымъ паникадила.

Не поетъ Дождь-богу хоръ,
Ужъ не тѣ дѣвчата;
Опечаленъ Святогоръ
И грустны Карпаты.

Еле-еле плещетъ Ужъ
Мутною волною
И надъ нимъ повисла глушь
Черной пеленою.

ЮНСКІЕ СНЫ.

Подъ липой ароматной,
Въ сіяніи луны
Сны надо мною вьются,
Блаженнѣйшіе сны.

Вотъ горы и поляны,
Вотъ степь и лугъ съ рѣкой
И вся моя отчизна
Стоитъ передо мной.

Съ серебристой лунной тканью
Переплелися сны;
Люблю, люблю васъ, ночи,
Божественной весны.

НА РАЗСВѢТѢ.

Разсвѣтъ. Соловей
Поетъ — напѣваетъ;
Въ вишневомъ саду
Цвѣтъ благоухаетъ.

Съ тоскою въ груди
Смотрю чрезъ оконце;
Ахъ, глянь! Такъ блеститъ
Румяное солнце.

Вдоль рѣчки идетъ
Съ ведрами дѣвчина,
Запѣла она,
Поетъ вся долина.

За кручей крутой
Пропала дѣвчина
И въ сердцѣ моемъ
Заныла кручина.

СОЛОВЬИНЫЯ ТРЕЛИ.

Я проснулся очень рано,
  Отворилъ оконце,
Величаво и багряно
  Восходило солнце.

Тополи озолотились,
  Пахли сосны, ели,
А изъ сада доносились
  Соловьины трели.

СЛЕЗЫ.

Щебетали соловьи
Рано на калинѣ;
Тяжко, больно отъ любви
Молодой дѣвчинѣ.

Ахъ, какъ пышно расцвѣли
Въ огородѣ розы;
Съ глазъ дѣвицы потекли
Дождевыя слезы.

Съ милой.

Я съ милой моею сижу
И ножки ея обнимаю,
Въ глаза моей милой гляжу
И весь отъ любви изгораю.

Я милой моей говорю
Несвязныя дѣтскія рѣчи
И весь трепещу и горю,
Цѣлуя и руки и плечи.

ДЛЯ МИЛОЙ.

Ночь день прогоняетъ. Въ окно
Разсвѣтъ улыбаясь стучится.
Вотъ солнце святое! Оно
Сіяетъ, горитъ, веселится.

Нарву я и лилій и розъ
И къ милой стрѣлой полечу я:
Открой мнѣ окошко, принесъ
Тебѣ я подарокъ — скажу я. —

На первой росѣ я ихъ рвалъ,
При солнышка первой улыбкѣ,
Когда соловей напѣвалъ
На чудо развившейся липкѣ.

ВСТРѢЧА.

На встѣчу бѣжитъ дорогая,
Смѣется ко мнѣ съ-далека;
Какъ солнышко личко играетъ,
Коса какъ волна вѣтерка.

Ахъ, если-бъ не люди, въ обятья
Свои я-бъ ее заключилъ
За то, что ее никогда я
Такъ сильно еще не любилъ.

ВЪ ЛѢСУ.

Не знаю, чего меня тянетъ
Въ затишье дремучихъ лѣсовъ,
Такъ сердце и ноетъ и вянетъ —
Любовь, молодая любовь . . .

Прошло все и путь мой багряный,
Какъ лента, предъ мною лежитъ.
Покрыли Карпаты туманы
И жалобно вѣтеръ шумитъ.

НЕРѢШИТЕЛЬНОСТЬ.

Вновь вѣдаю въ сердцѣ любовь,
Вновь хочется къ милой тулиться,
Вновь хочется грезы и сновъ,
Вновь хочется лаской упиться.

Стою на мосту; изъ-за горъ
Луна улыбается кротко;
Слезой мой наполнился взоръ,
Молчитъ дорогая красотка.

Одна у насъ думка, одна:
Такъ хочется ласкъ поцѣлуя,
Но робко стыдится она,
Рѣшиться никакъ не могу я.

ПРОСЬБА.

Позволь мнѣ въ подвалѣ твоемъ,
Чтобъ свѣтъ и не зналъ, поселиться,
Хочу я въ туманѣ ночномъ
Твоею игрой насладиться.

Окно не забудь лишь открыть,
Чтобъ звуки ко мнѣ долетали.
Мнѣ больше не надо, чтобъ жить;
Позволь поселиться въ подвалѣ.

ВЪ ПОЛѢ.

И солнце еще не взошло,
Я вышелъ съ тобою на поле;
И пахло кругомъ и цвѣло
И рѣчка жужжала въ раздольѣ.

Проснулся зеленый лѣсокъ
И птички намъ радостно пѣли;
Укрывшись въ кустахъ пастушокъ,
Игралъ на унылой свирели.

Вотъ солнце взошло, облило
И рѣчку и лѣсъ и раздолье;
О, милая, какъ весело
Съ одною тобою на волѣ!

БЕЗЪ ТЕБЯ.

Пойми-же меня: безъ тебя
Нѣтъ жизни, веселья, отрады;
Хожу я одинъ по степи,
Грудь мучитъ тоска безъ пощады.
Пойми-же меня безъ тебя
Нѣтъ жизни, веселья, отрады.

ПОДЪ ЗВУКИ СОЛОВЬЯ.

Въ прекрасное утро, вчера
Чего, почему — я не знаю,
Заныло такъ сердце мое
И сжалось тоскою безъ краю.

Въ калинѣ запѣлъ соловей
Такъ тихо, такъ нѣжно, такъ сладко,
Не зная опять почему
Я горько заплакалъ украдкой.

ВЪ ОЖИДАНІИ.

Тихо закатилось солнце
За далекія моря;
Въ малое мое оконце
Заглядѣлася зоря.

Въ сумеркахъ милѣй свиданье,
Обѣщался другъ прійти;
Умираетъ въ ожиданьи
Сердце въ трепетной груди.

Есть пора всему на свѣтѣ,
Мнѣ пришла пора любви;
Все мнѣ мило: роза въ цвѣтѣ,
Вечеръ, садъ и соловьи.

ВНЕМЛИ.

Внемли, чуткое сердце озвись;
Я тебя ужъ давно выжидаю,
Тихо-нѣжныя пѣсни въ тиши
Для тебя я пою и слагаю.
Внемли пѣснямъ печальнымъ моимъ,
Внемли, другъ мой...

ВЪ ЛѢСУ.

Ой, выйду я изъ дому въ лѣсъ; дома мнѣ одному
    Печально, уныло и скучно.
Въ лѣсу соловейко поетъ на зеленой соснѣ,
    Поетъ милозвучно.

* * *

Грустно поетъ моя лира,
Тихо рыдаетъ она.
Пѣсня моя не для міра
  Ни одна, ни одна.

Грустно, такъ грустно. Далеко
Пѣсня несется моя;
Брошенъ, я здѣсь одинокій,
  Не поймете меня.

У ОКНА.

Мѣсяцъ свѣтится, ночь дремлетъ;
Плещетъ плесо водъ,
Призадумавшися, внемлетъ
Плеску очеретъ.

Вишни шепчутся въ садочкѣ,
Пѣсни соловей,
Спрятавшися въ тѣнь кусточка,
Тянетъ веселей.

Тамъ въ хатинѣ на кроваткѣ
Миленькая спитъ,
И приснился сонъ ей сладкій,
Серденько щемитъ.

Тяжело томлюсь напрасно,
Не прійдетъ она,
Спитъ спокойно и несчастный
Плачу у окна.

ВЪ АЛЛЕѢ.

Ужъ мракомъ вечернимъ смѣнился свѣтъ дня,
Я завтра работу успѣю,
Какое веселье: ждетъ милый меня,
Мнѣ надо скорѣе въ алею.

И въ пору пришла я; смотрю и гляжу,
Чего-же не вышелъ мой милый?
Такъ сердце забилось и вся дрожу
И кажется свѣтъ мнѣ могилой.

Стою я . . . такая кругомъ тишина,
Все словно уснуло въ аллеѣ
И звѣздъ не видать и сокрылась луна,
Въ очахъ все темнѣе, темнѣе.

Вдругъ брызнули слезы рѣкой мнѣ съ очей,
Я горько тогда задыла
И съ тѣхъ поръ я въ Бога и вѣру людей
Чего-то совсѣмъ потеряла.

МАЙ.

Каштаны цвѣтутъ, такъ въ саду весело:
Щебечутъ скворцы и синицы:
Такъ радостно пчелы и мушки жужжатъ
И пахнутъ кругомъ медуницы.

Весна такъ красна и такъ солнце блеститъ
Торжественно, чудно, богато;
Въ селѣ и въ дубровѣ до поздней зари
Поютъ безпрерывно дѣвчата.

Не сердись на меня,
Только рано вставай;
Пробудилась весна
И пришелъ чудный май.
Гей, весна такъ красна,
Зеленѣетъ нашъ гай.

БРЕДЪ.

Подъ мантилею тумана
Зорьки не видать;
Утаюсь въ тѣни каштана,
Стану выжидать
Милую мою красотку, —
Зорьки не видать...

Я желаю быть любимымъ
Пламенемъ любви;
Я люблю, когда щебечутъ
Нѣжно соловьи.
Я люблю и изгораю
Пламенемъ любви.

Медленно и больно горько
Времячко бѣжитъ;
Не идетъ она. Я плачу,
Такъ душа болитъ.
Меркнутъ звѣзды, больно горько
Времячко бѣжитъ.

НА ИСХОДѢ ДНЯ.

Дикія лозы. Рѣка какъ змѣя
Вьется по пышной левадѣ;
Кто-то поетъ за холмомъ,
Кто-то поетъ въ виноградѣ.

Солнце заходитъ. Лучи
Тихо померкли за боромъ;
Въ рощѣ поютъ соловьи,
Весь огласился міръ хоромъ...

У АЛТАРЯ.

Въ ночь тихую передъ разсвѣтомъ
На ясномъ небѣ яснымъ свѣтомъ
Блеститъ-горитъ зоря;
Въ ночь тихую стою съ букетомъ,
Стою у алтаря.

Не вьется дымъ паникадила,
Печально и кругомъ уныло
Внутри монастыря;
Стою одинъ, стою безъ милой,
Стою у алтаря.

ВЫЙДИ.

Взошла зоря, свѣтъ дня потухъ;
  Играетъ тишь ночная;
Съ тоскою въ сердцѣ жду тебя,
  О, выйди, дорогая.

Пространство дремлющихъ высотъ
  Засыпано звѣздами;
Тебя зоря любви зоветъ
  Волшебными лучами.

Въ такую ночь въ душѣ любовь
  Понятнѣй отозвется;
Въ такую ночь пѣснь соловьевъ
  Пріятнѣе польется.

ПОДЪ ШУМЪ БЕРЕЗЫ.

Подъ шумъ развѣсистой березы
Въ травѣ я задремалъ;
Вокругъ меня носились грезы
И вѣтерокъ игралъ.

Пышалась зеленью левада,
Внимая тишинѣ
И вотъ съ шуршаніемъ наряда
Она идетъ ко мнѣ.

Идетъ съ шуршаніемъ наряда
И тихо пѣснь поетъ
И въ сердцѣ горе и отрада;
Она ко мнѣ идетъ.

О ВЫЙДИ.

Нѣмѣетъ день, селенье
Одѣлось въ ночи тѣнь,
О, выйди на свиданье;
Нѣмѣетъ день.

Цвѣтетъ сирень, мы тихо
Войдемъ въ бесѣдки сѣнь,
О, выйди на свиданье;
Цвѣтетъ сирень.

НАДЪ РѢЧКОЮ.

Только зоря занялась золотистая,
  Въ рощѣ, саду и кругомъ
Всѣ соловьи озвались голосистые, —
  Вышли гулять вдвоемъ.

Поле пышалося травкой зеленою,
  Горы стояли вдали,
Воздухъ філкой дышалъ благовонною —
  Молча все шли мы и шли.

Рѣчка. Мы вышли на кладку. Ломалися
  Наши двѣ тѣни въ волнѣ;
Звѣзды игривыя намъ улыбалися
  Гдѣ-то далеко на днѣ.

ЛѢТНЕЕ УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Чуть свѣтаетъ. Пѣтуха
Слышенъ крикъ. Мгла въ горы вьется,
Заспаннаго пастуха
Трубка раздается.

Сыро. Скрипъ у шалашей.
Въ золотѣ верховъ громада;
Вотъ коровъ, овецъ, гусей
Выбѣжали стада.

На окраинѣ села
До источника потока
За водой съ ведромъ пришла
Дѣвка черноока.

Съ ней, сравнявшися, пастухъ
Покраснѣлъ весь какъ калина.
Замеръ въ сердцѣ робкій духъ;
Поняла дѣвчина,

Поняла любовь его,
Подойти-же не посмѣла,
Лишь, краснѣя, на него
Кротко посмотѣла.

НИКОГДА!

Тихій вечеръ. Надъ Карпатомъ
Красная луна.

Грустный шелестъ въ листьяхъ вербы,
Миръ и тишина.
Плещетъ Ужъ. Такъ сердце нѣжитъ
Легкая волна.

Тихій вечеръ. Надъ Карпатомъ
Красная луна.

*

Сердце сжалось. Непонятной
Тайною стучитъ.

Посмотри, моя подружка,
Въ дивный колоритъ
Садъ облекся. Въ лунномъ свѣтѣ
Чуденъ Ужа видъ.

Сердце сжалось. Непонятной
Тайною стучитъ.

*

Ты меня понять не сможешь
Больше никогда!

Знай: разъ счастье лишь дается,
Разъ лишь красота
Поцѣлуя жаръ вливаетъ
Въ южныя уста.

Ты меня понять не сможешь
Больше никогда!

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

Раемъ мнѣ свѣтъ показался. Кругомъ зацвѣло и запахло.
Все къ заходящему солнцу свое обращало вниманье.
Липы торжественно въ небо верхушки взносили,
Стройно тянулися ели и тѣни далеко бросали;
Тополя листъ трепеталъ и мѣнялся въ лучахъ постоянно.
Солнце румянцемъ смѣялось...

*

* *

Гдѣ бы я ни былъ, стоятъ предо мною родные Карпаты.
Слушая шумъ ихъ лѣсовъ, сердце рыдаетъ мое.
Въ юности пышной моей по верхамъ, доламъ и полонинамъ
Часто бродилъ я одинъ, пѣсней Карпатъ упоенъ.
Крѣпче всего я любилъ заходящее красное солнце.
Этому солнцу теперь, нѣжно и тихо молюсь.

ЭПИЛОГЪ.

Изъ Карпатскихъ, изъ верховъ
  Отъ края до края
Виденъ Кіевъ, виденъ Львовъ,
Съ всей красой лѣсовъ, луговъ
  Русь видна святая.

Тамъ въ Карпатахъ хороводъ:
  Соловьи, трембиты,
Пастушки, потоки водъ,
Боръ и роща, все поетъ:
  Небо и граниты.

Въ пѣсни плачетъ Галичъ-градъ,
  Въ плескѣ Прута, Стрыя
Слышится лѣсной раскатъ,
Слышится церквей набатъ
  И вся Коломыя.

Тамъ хочу я жить; тамъ мнѣ
  Мило, любо нынѣ.
При сіяющей лунѣ
Въ тихо-грустной тищинѣ
  Рай на полонинѣ!
